

СТАРОБЕЛЬСКИЙ УЕЗД И «ХАРЬКОВСКИЙ КОРПУС» В СОБЫТИЯХ 1918–1919 гг.¹

А.В. Посадский

Аннотация. Цель статьи – продемонстрировать нереализованные возможности Белого движения на Юге в годы Гражданской войны. В статье идет речь о возможности и условиях формирования на белом Дону казацкого соединения – «Харьковского корпуса», который мог быть создан на основе местных офицеров-добровольцев и мобилизованных крестьян. Данное соединение типологически сходно с Южной, Астраханской и Русской Народной армиями, которые формировались на Дону. Для реализации научной задачи привлечены неопубликованные источники, извлеченные из центральных архивов. Они включают в себя материалы как белых, так и красных соединений и инстанций. Автор показывает, сколь сложной была ситуация в Старобельском уезде осенью 1918 г. Население оказалось между украинской, немецкой и казацкой властью. При этом донское и добровольческое командование пребывали в натянутых отношениях. Данное обстоятельство препятствовало быстрому востребованию имевшегося людского потенциала крупного уезда Харьковской губернии. В результате небольшой офицерский кадр образовал батальон при Донской армии, а деревня оказалась во власти самостийных и большевистских элементов. В быстрой динамике Гражданской войны, при несогласиях донского и добровольческого командований, создать еще одно антибольшевистское формирование из населения Харьковской губернии не удалось.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Область Войска Донского, Старобельский уезд, казачество, крестьянство.

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления РАНХ и ГС имени П.А. Столыпина, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2, posad1968@rambler.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12034.

THE STAROBELSK DISTRICT AND “KHARKOV CORPS” IN THE 1918–1919 EVENTS

A.V. Posadsky

Abstract. The purpose of the article is to demonstrate the unrealized potential of the White movement in the South during the Civil War, the opportunity of the Cossacks and peasants union, and to identify the reasons of failure of the relevant undertakings. For implementation of the challenging task unpublished sources, extracted from the central archives were involved. These materials include both White and Red compounds and instances. The article deals with the opportunities and conditions of the formation of a White non-Cossack compound in the Don Province. These “Kharkov corps” would be established on the basis of local officers and volunteers mobilized peasants. This compound was typologically similar to the South, Astrakhan and Russian People’s armies, which were formed on the Don. The author shows how difficult the situation was in the Starobelsk district in Autumn 1918 as being turned out between Ukrainian, German and Cossack power. At the same time Don and Volunteer commanders remained at loggerheads. This circumstance prevented the rapid call for human resources in the large Kharkov province. As a result, the village was occupied by separatist and Bolshevik elements. In the fast dynamics of the Civil War it was not possible to create another formation of the anti-Bolshevik population of the Kharkov province in case of disagreement of the Don and the Volunteer commanders.

Keywords: the Civil War, the White movement, Don Province, Starobelsk district, Cossacks, peasants.

Гражданская война на Юге России поставила перед руководителями Белого движения задачу объединения офицерско-добровольческих, казачьих и крестьянских сил. Неудача в ее решении стала одной из очевидных предпосылок поражения. Между тем, в 1918 г. в рамках Донской государственности предпринимались интересные попытки создания неказачьих частей и объединений. В настоящей статье рассматривается наименее известное начинание по формированию воинского соединения из неказачьих контингентов усилиями командования Донской армии.

В начале августа 1918 г. казачьи отряды вышли к границам Области Войска Донского. Казаков охватила «пограничная болезнь» – нежелание переходить границы своей области. Они опасались оказаться в состоянии войны со всей Россией. Полки замитинговали. Донское же командование настойчиво стремилось занять крупные центры, прежде всего станции, за пределами Области. В их числе – Царицын, Поворино, Балашов, Новохоперск. Так возникла настоятельная необходимость объединить поднявшееся казачество и крестьян соседних губерний, показать, что крестьяне – не враги казакам, что они вместе борются против большевизма.

Между тем, на самом Дону сложилась непростая ситуация как с иногородними, так и с весьма разным настроением правобережных и левобережных станиц, с поколенческим антагонизмом «фронтовиков» и «стариков». После неудачной попытки А.М. Каледина выстроить паритет с иногородними (неказачье население Области Войска Донского несколько превышало число лиц казачьего сословия) новый атаман П.Н. Краснов стал строить казачий Дон. Казачья диктатура, в свою очередь, делала иногородних крестьян непримиримыми врагами казаков, оживляла давнее соперничество между ними. Теперь же предстояло формировать союзнические отношения с крестьянскими массивами соседних губерний.

На эту проблему накладывалась другая – завершалась грандиозная мировая схватка. Донской атаман П.Н. Краснов вступил в союзные отношения с Германией и, соответственно, с Украинской державой П. Скоропадского. Новые квазигосударственности и немецкая оккупация создавали парадоксальные юрисдикции. Так, Таганрогскому, наименее казачьему по составу, округу ОВД досталось жить под тремя юрисдикциями – немецкой, украинской и донской – одновременно, что во многом и сформировало устойчиво антибелогвардейское настроение крестьян округа. Таганрогские мобилизованные уже в 1919 г. станут проклятием для донского командования.

С подписанием перемирия в ноябре 1918 г. ситуация начала стремительно меняться. Германские войска стали собираться домой и утрачивать дисциплину. На Украине поднялось антигетманское восстание, в результате которого анархия охватывала всё большие пространства. Протяженная граница Дона с Украиной, прежде союзная, теперь требовала прикрытия. В результате атаман П.Н. Краснов подписал воззвание о дружественном вмешательстве казаков, – с целью обеспечить

порядок и защитить собственные границы. Так, в Луганск (Луганский Завод) Екатеринославской и Старобельск Харьковской губерний вошли донские полки.

В этих обстоятельствах возникла и стала реализовываться идея формирования союзных Дону казацких армий. С одной стороны, они могли увлечь через границы Области казаков, с другой – стать ядром для консолидации антибольшевистских сил Саратовской, Воронежской, Тамбовской губерний. Надо сказать, что крестьянские настроения вполне позволяли рассчитывать на массовый отклик населения. В то же время свою игру играли немцы, стремясь заполучить ориентированную на себя военно-политическую силу. В этой роли должна была выступить Южная армия.

Уход немцев заставил атамана Краснова стремительно переориентироваться на победителей. На рубеже 1918–1919 гг. ожидание союзников стало своего рода фетишем среди измотанных казацких частей. Именно отсутствие обещанных союзных частей на фронте стало важнейшим фактором крушения верхнедонского фронта и дальнейшей катастрофы донских армий.

В качестве результирующей столь различных интересов и инициатив летом 1918 г. – зимой 1919 г. развернулась эпопея Южной, Астраханской и Русской Народной (она же Саратовский корпус) армий, объединенных в октябре в Особую Южную армию. «Армия Южная – никому не нужная», – гласил добровольческий фольклор.

Южная армия, или Воронежский корпус, – пожалуй, наиболее известное из этих формирований. Южная армия прославилась крайне неудачным управлением в занятых частях Воронежской губернии, конфронтацией с крестьянами. Для казаков это был ненадежный союзник, который только злил население и сводил на нет успехи: «Южная армия отдает то, что завоевано казаками».

Астраханская армия известна проектами оказывания калмыков, а также попытками сформировать альтернативу деникинскому добровольчеству [Антропов, 2013].

Наконец, Саратовский корпус был наиболее автономным начинанием и базировался на ядре крестьян-повстанцев Камышинского уезда Саратовской губернии [Посадский, 2010].

Названные армии не смогли привлечь массы крестьян и шагнуть в глубину «своих» губерний. Однако наряду с известными «полусостоявшимися» армиями было формирование, которому состояться и вовсе не довелось. Это так называемый Харьковский корпус. Историю этой неудачи стоит рассмотреть в качестве интересного исторического урока.

Как уже было сказано, защищая свою границу в условиях разраставшегося восстания в Украинской державе, донские части вошли в Старобельский уезд. Под казацкой властью оказался самый обширный в Харьковской губернии степной и довольно глухой земледельческий уезд с крупными крестьянскими слободами. Сам город Старобельск располагался в десятках верст от железной дороги.

В краях, ставших своего рода буферной зоной между немецкими и советскими войсками, рано стали возникать вооруженные отряды советской ориентации. Зачастую ими командовали левые эсеры, сторонники революционной войны. Примерно так происходило и в Старобельском уезде, хотя большинство населения оставалось инертным. Любопытно, что в эти красногвардейские отряды вступило некоторое количество (немногие десятки человек, но с хорошей военной подготовкой) казаков недалеко от станицы Луганской, сделавших выбор в пользу красных [Сизенко и др., 2008, с. 345].

В 1970-е гг. русский эмигрант, бывший офицер П. Мирошниченко взялся описать эпопею противников местных красногвардейцев – белого Старобельского отряда. К сожалению, далее первого очерка дело не продвинулось. Ветеран умер на следующий день после отправки текста в редакцию. Однако и в этом единственном очерке картина нарисована весьма выразительная. После тяжелой войны по домам вернулись солдаты и офицеры. 1918-й год дал богатый урожай. В уезде шла привычная неспешная жизнь. Союзные гетману немцы обеспечивали общий порядок. В ноябре немцы стали уходить. На окраинах города немедленно началась стрельба, толпа убила прапорщика, не успевшего снять погоны. В ответ недавние офицеры-фронтовики и учащиеся образовали отряд самообороны в сотню человек. Вскоре появились доморощенные петлюровцы с аппетитом бить «офицеров» или «жидов». Отряд не позволил им разгуляться, и боевые «хлопцы» ушли во-свояси. В этот момент в уезде и появились части 12-го Донского полка генерала А.П. Фицхелаурова. С 8 декабря 1918 г. он стал военным губернатором и командующим войсками Старобельского района, а со 2 января 1919 г. – командующим войсками Чертковского боевого района.

Генерал взял старобельцев в свой отряд. Тем временем низовой большевизм набирал обороты. Казаки стали уходить, с ними поднялись в отступление и беженцы-горожане. В слободе Беловодске мужики решили сжечь в здании школы четыре десятка офицеров. Один из обреченных смог добраться до отряда Фицхелаурова. Несмотря на скромные силы и обоз с беженцами, казаки решили идти на вы-ручку. Это вызвало ожесточенный бой под Беловодском 27 декабря 1918 г. [Мирошниченко, 1971]. Мирошниченко собирался описать его в следующем очерке. Под Беловодском в этот день сразились красные и белые старобельчане [Сизенко и др., 2008, с. 346]. По показаниям бежавшего из плена красноармейца от 6 января 1919 г., в Беловодске было антиказачье восстание, восставшие перебили местных стражников. В слободу являлся карательный отряд [РГВА, ф. 100, оп. 2, д. 78, л. 20]. Очевидно, речь идет как раз об этом событии. В Беловодске работал 11-й Донской полк, в начале февраля сам разложившийся под воздействием усталости и больше-вистской агитации [ГАРФ, ф. 6559, оп. 1, д. 12, л. 25].

После этого боя у Старобельского отряда определилась судьба добровольче-ской части в рядах Донской армии, наряду с Луганским офицерским полком, Богучарским отрядом и некоторыми другими подобными формированиями.

Как раз в период неопределенности, когда начинала рушиться гетманская власть на Украине, в Старобельский уезд отправился в командировку донской офицер. Это был есаул Киселев – начальник штаба казачьего Северного фронта. Рапортовал он о ней 17 (30) декабря, а само путешествие в беспокойный район состоялось в ноябре. Рапорт рисует подробную и выразительную картину жизни между разными властями в условиях очередного крушения относительного порядка.

6 (19) ноября есаул прибыл в Старобельск. Здесь он узнал, что корпус Натиева, расквартированный в слободе Белокуракиной, Павловке и других населенных пунктах уезда северо-западнее Старобельска, переименован в 1-ю особую Запорожскую дивизию в составе четырех пеших полков и конно-горной батареи. В полках состояло по 700–800 штыков весьма пестрого состава: гайдамаки-самостийники, русские, кавказцы и даже китайцы. Кавказцы могли собраться под крылом единоплеменника – аджарца А. Натиева. Интересно, что в красных рядах на Луганщине было изрядное количество китайцев, недавних представителей «желтого труда». Донские казаки с ними жестоко расправлялись, как с наемниками [Сизенко и др., 2008, с. 340–343]. Видимо, какие-то китайцы попали и под украинские знамена.

Сделаем необходимое пояснение. Генерал Александр Натиев командовал единственной, по сути, боеспособной группировкой войск Директории, образовавшейся в ходе январских боев в Киеве и ушедшей из города. Это соединение получило наименование Запорожской бригады, развернувшейся в дальнейшем в дивизию и корпус. 2-м полком в ней командовал известный впоследствии П. Болбачан. Соединение осталось и в составе Украинской державы, прикрывая восточные границы. Собственно, помимо восьми заложенных корпусов будущей армии это была единственная реальная сила в распоряжении центральной киевской власти. Однако с уходом немецких войск и здесь воцарилось полнейшее неблагополучие. Продолжим излагать рапорт донского офицера.

В частях Запорожской дивизии царили полная недисциплинированность и упадок духа. В результате полк Костя Гордиенко немцы расформировали за открыто большевистское (возможно, просто погромное) выступление. Из оставшихся полков образовались банды, занимавшиеся грабежами и убийствами. Следует иметь в виду, что практически беспризорную дивизию никто не снабжал. Генерал Натиев, сказавшись больным, сдал дивизию генералу Бочковскому. В это время дивизия заняла участок демаркационной линии, имея на флангах германскую кавалерию. Штаб дивизии перешел из Белокуракиной в Тарасовку. Генерал-майор Николай Андреевич Бочковский (1859–1920) также в должности не задержался. Видимо, командовать откровенно разлагающимися частями в малопонятной обстановке он не посчитал возможным. 9 ноября он принял дивизию, а уже 15-го выехал на Дон.

Как раз в это время, 7 (20) ноября, донской посланец выехал из Старобельска в дивизию. Милиция в Белокуракиной отговаривала ехать, тем более в русской офицерской форме. Гайдамаки полка Гордиенко, пользуясь разложением и уходом

немцев, грабили и расстреливали варту, убили нескольких крестьян. Не сообщая подробностей, офицер докладывал, что в Старобельск вернулся с трудом. Здесь выяснилось, что командир 2-го полка Болбачан объявил Директорию Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний и отдал по телеграфу распоряжение об аресте штаба 1-й особой Запорожской дивизии, а полкам приказал оставить фронт, двигаться к станции Сватово, грузиться и прибыть в Харьков для борьбы с правительственными войсками и за самостоятельность Украины. Сам Болбачан при этом якобы находился в Черниговской губернии.

В Старобельске открыто появлялись большевики (интересно, как это выглядело), уездная стража была в растерянности: немцы уходили и помогать с наведением порядка отказались.

Крестьяне же, узнав о движении Петлюры, занялись уничтожением казенных складов продовольствия и фуража, упразднением прежней власти и восстановлением советов. Первыми восстали крестьяне северо-западной части уезда (там, где стояли Запорожцы), а к 12 (25) ноября восстание охватило и северо-восточную часть. Здесь первыми восстали Муратово, Литвиново, М. Беловодск. В последней жили ремесленники-ниточники «большевистского направления». Эта слобода явится одним из центров местного большевизма. Крестьяне манифестировали, избивали милицию. Узнав о приходе казаков, главари движения бежали. С приходом донцов власть опять оказалась у старшин и старост. Разгулявшиеся страсти улеглись.

Отношение к пришедшим казакам было недоброжелательным, но сдержанным и покорным. Распоряжения казачьих властей исполнялись беспрекословно. О борьбе казаков с большевиками населению было почти не известно, петлюровскому же движению оно сочувствовало. Петлюру считали борцом за присоединение Украины к России, так как все выступали против создания отдельной Украины. В целом же настроение населения оценивалось как спокойное и без определенного политического взгляда [ГАРФ, ф. 6559, оп. 1, д. 1б., л. 148–148об.]. Подобные сведения о неопределенности настроения – едва ли ни самые распространенные в ходе Гражданской войны.

Казачья власть крестьянами воспринималась как чужая, была сопряжена с тяжелыми нагрузками. По показаниям бежавшего из плена красного артиллериста, в декабре 1918 г. окрестности Богучара и Старобельский уезд – все за советскую власть, так как казаки измучили рытьем окопов [РГВА, ф. 100, оп. 2, д. 78, л. 22]. Надо сказать, что идеалу мужицкой анархии, безо всякого начальства и обязательств, проигрывала любая власть.

Тем не менее большой уезд около двух месяцев находился под донской властью. Старобельские красногвардейские отряды только в конце 1918 г. были собраны в 11-й Старобельский полк (затем 372-й Старобельский полк 42-й стрелковой дивизии) численностью всего в 600 бойцов [Сизенко и др., 2008, с. 345–346]. Одновременно и белый Старобельский отряд превратился во фронтовую часть.

Так оформились в воинские части земляки – белые и красные добровольцы. Однако донским командованием были мобилизованы и крестьяне уезда.

Проблема этих контингентов, донских по государственной принадлежности конца 1918 г., но не казачьих, обсуждалась во время встречи донского и добровольческого командования 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.). Переговоры, как известно, завершились созданием единого военного руководства на Юге. Стенографическая запись, опубликованная в воспоминаниях И.А. Полякова, демонстрирует крайне драматичный характер встречи, даже если оставить за скобками личные мотивы и пристрастия – деникинское немцеество, нелюбовь Краснова к Семилетову и другим донским офицерам, разворачивавшим свою деятельность за пределами Дона и т. п. Это разговор глухих. Добровольческие генералы с недоумением доказывают вчерашним сослуживцам азы стратегии и тактики: единое командование – это хорошо; «кордонная стратегия» на многоверстном фронте – это неэффективно; обмен боевыми ресурсами расширяет боевые возможности... И встречают яростное сопротивление. Донцы доказывают, что казаков деморализует неказачье командование, что у них воюет народ, а не армия. Весной нужно отпускать рабочие руки для полевых работ, казак хорошо сражается в родном округе, но теряет порыв при отрыве от дома, Дон дал фронту всё что мог и находится на пороге истощения сил. Главнокомандующий донскими армиями генерал С.В. Денисов в разговоре создал броскую формулу: «При едином командовании Вы Донской армии не используете. У нас народ. У Вас интеллигенция. Как их объединить?» [Поляков, 1962, с. 348].

Предлагая единое командование, А.И. Деникин заявил: «Корпуса Воронежский и Саратовский и неказачьи части Астраханского, формируемые в Донской армии, при продвижении вперед будут управляться на общих основаниях». П.Н. Краснов, в свою очередь, заявил: «Неказачьему командованию казаки не верят. Опыт Воронежского корпуса привел их сознание к тому, что неказаки теряют все то, что казаками занято. В этом вопросе надо быть очень осторожным. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса могу передать, когда угодно. Они создавались мною лишь для увлечения казаков за границу» [Поляков, 1962, с. 339].

Добровольческая армия имела весьма скромную численность. Неудивительно, что А.И. Деникин заявил: «В отношении мобилизации мы желаем воспользоваться живой неказачьей силой с Дона. Если условия жизни на Дону таковы, что нежелательно загромождать территорию Дона, дайте нам, – мы этот материал используем. Мы мобилизовали иногороднее население на Кубани и Ставропольских крестьян и крупного случая измены у нас не было. У нас был только случай, когда две роты крестьян Ставропольской губернии, перебили своих офицеров и передались на сторону красных. Вы возьмите себе сколько вам нужно, а избыток поступит нам». П.Н. Краснов, в свою очередь, предлагал: «В Старобельском уезде у меня сейчас 20 тыс. мобилизованных крестьян, нужны офицеры. Если бы добровольцы стали рядом, то этим облегчили бы казакам положение, которые тогда бы поняли идею единого командования».

Деникин заявил, что «если трехтысячный состав Харьковского корпуса увеличится, то единое командование сможет придти на помощь». Показательно, что само наименование, весьма условное на тот момент, «Харьковский корпус», было использовано в беседе. П.Н. Краснов предложил добровольческому командованию взять мобилизованных старобельских крестьян и Воронежский корпус. Атаман подчеркнул: «Южная армия создавалась для выдвижения вперед. Надо было, чтобы крестьяне перешли границу и увлекли за собой казаков».

Так или иначе, важно отметить, что харьковская живая сила уже была в распоряжении донского командования.

На повторное предложение принять Старобельский уезд теперь уже генерал И.П. Романовский указал на тяжелое положение самих добровольцев и необходимость единого командования. Вскоре Романовский заявил в разговоре, что Старобельский уезд «не представляет никакой важности». Речь шла о пассивной роли Третьей дивизии Добровольческой армии, которая стояла в донском тылу. Романовский утверждал, что она заняла узловые станции, что куда важнее обладания степным уездом [Поляков, 1962, с. 341, 342, 343, 344, 349]. Многочисленные старобельские крестьяне, уже поднятые мобилизацией, фактически оказались за скобками напряженного и тяжелого обсуждения.

Итак, на начало 1919 г. Старобельский отряд, саккумулировавший местных офицеров, уже являлся боевой частью и вел бои. Многочисленные же старобельские военнообязанные оказались не востребованы из-за разного понимания сути вооруженного противостояния донцами и добровольцами. При неустойчивом положении старобельские крестьяне были управляемы, хотя не питали к казакам дружеских чувств. Если бы взаимоотношения донского и добровольческого командования не были столь отягощены непониманием и взаимными подозрениями, могли бы открыться возможности для более оперативного использования неказачьих контингентов, оказавшихся в распоряжении донского командования. Ведь речь идет о многих тысячах солдат.

Следует сказать, что опыт воспитания молодых неказачьих частей совместной боевой работой с казаками имелся. Один полк Южной армии, из только что мобилизованных воронежских крестьян, 3-й стрелковый, был расположен между казачьими частями Северо-западного фронта и вполне успешно сражался, брал трофеи, в то время как в других полках такие же крестьяне дезертировали и перебежали к красным [ГАРФ, ф. 6559, оп. 1, д. 16, л. 75об.].

Времени для формирований было совсем немного. Красные части из группы Кожевникова заняли Старобельск 10 января 1919 г., после артобстрела, с потерей 21 убитым и 48 ранеными [РГВА, ф. 193, оп. 3, д. 69, л. 84]. По сведениям красных, город занимала офицерская добровольческая дружина до 1500 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах. Лобовым ударом противник был выбит из окопов и бежал

на Беловодск и Кантемировку. Трофеями победителей стали 2 орудия, 2 пулемета, около сотни винтовок. Противник потерял свыше 100 человек убитыми. Красные потери составили 4 убитых и 48 раненых [РГВА, ф. 193, оп. 3, д. 69, л. 95]. Сведения о потерях красной стороны несколько разнятся в документах, что не меняет общей картины. Видимо, упомянутая «офицерская дружина» и должна считаться ядром Харьковского корпуса на основе Старобельского отряда.

Старобельский отряд продолжил свое существование и далее, в Вооруженных силах Юга России (ВСЮР), как Старобельский батальон в Партизанской дивизии Донской армии. Наверное, если бы не было такой измотанности казачьих частей, не приходилось донцам и добровольцам со столькими трудностями выстраивать свое союзничество, старобельские и луганские офицерские части могли бы стать кадром для многочисленного, уже поднятого мобилизацией крестьянского контингента Старобельского уезда. «Харьковский корпус» мог бы стать существенной боевой единицей в рядах Донской или Добровольческой армии. Собственно, летом и осенью 1919 г. на добровольческие мобилизации губерния откликнется достаточно массово. Старобельчане дадут кадры в 3-ю отдельную Донскую добровольческую бригаду, 1-й и 2-й эскадроны 10-го драгунского Новгородского полка, тот же Старобельский батальон [Цветков, 2000, с. 113]. Но на рубеже 1918–1919 гг. уже наметившийся «Харьковский корпус» при Всевеликом войске Донском так и не состоялся.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Антропов О.О. Астраханское казачество. М.: Вече, 2013. 368 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6559. Оп. 1. Д. 16, 12.

Мирошниченко П. Старобельцы. Формирование. Отход // *Первопоходник. Летопись белой борьбы*. 1971. № 4. С. 43–46.

Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен: [б/и], 1962. 388 с.

Посадский А.В. Негромкое название: история Саратовского корпуса // *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 144–250.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 2. Д. 78.

РГВА. Ф. 193. Оп. 3. Д. 69.

Сизенко А., Федичев В., Черепухин В. Мы – донские казаки. Документы, факты, страницы истории станицы Луганской XVII–XX столетий. Изд. 2-е, испр. и доп. Луганск: Глобус, 2008. 388 с.

Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М.: Посев, 2000. 167 с.

REFERENCES

- Antropov O.O. *Astrakhanskoe kazachestvo* [Astrakhan Cossacks]. Moscow: Veche, 2013. 368 p. (in Russian).
- Gosudarsvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 6559. Inv. 1. D. 1b, 12.
- Miroshnichenko P. Starobeltsy. Formirovanie. Othod [Men of Starobelsk district. Formation. Departure], in: *Pervopokhodnik. Letopis' beloy bor'by*. 1971. № 4. P. 43–46 (in Russian).
- Polyakov I.A. *Donskie kazaki v borbe s bolshevismom* [Don Cossacks in the struggle with the Bolsheviks]. Munich, 1962. 388 p. (in Russian).
- Posadsky A.V. Negromkoye nazvaniye: istoriya Saratovskogo korpusa [Quietly title: History of Saratov Corps], in: Posadsky A.V. *Ot Tsaritsina do Syzrany: ocherki Grazhdanskoy voiny na Volge* [From Tsaritsin to Syzran: Sketches of the Civil War on the Volga]. Moscow: AIRO-XXI, 2010. P. 144–250 (in Russian).
- Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian State Military Archiv (RGVA)]. F. 100. Inv. 2. D. 78.
- RGVA. F. 193. Inv. 3. D. 69.
- Sizenko A., Fedichev V., Cherepahin V. *My – donskie kazaki. Dokumenty, fakty, stranitsy istorii stanitsy Luganskoy XVII–XX stoletiy* [We are Don Cossacks. The documents, facts, history page of the village Lugansk XVII–XX centuries]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Lugansk: Globus, 2008. 388 p. (in Russian).
- Tsvetkov V.Z. *Belye armii Yuga Rossii. 1917–1920 gg. (Komplektovaniye, sotsial'nyy sostav Dobrovol'cheskoy armii, Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii, Russkoy armii)* [The White Armies of Russian South. 1917–1920. (Acquisition, the social composition of the Volunteer Army, the Armed Forces of the South of Russia, the Russian army)]. Kn. 1. Moscow: Posev, 2000. 167 p. (in Russian).